

14. Steedman, Ian. Positive Profits with Negative Surplus Value. The Economic Journal, Vol. 85, No. 337. (Mar., 1975), pp. 114–123.
15. Steedman, Ian. The Irrelevance of Marxian Values. In: Caravale G.A. (ed.) Marx and Modern Economic Analysis. Vol. I. Aldershot: Edward Elgar, 1991.
16. Winternitz J. Values and Prices: A Solution of the So-called Transformation Problem. The Economic Journal. Vol. 58. No. 230. (Jun., 1948). P. 276–280.
17. Wolff R. D., Roberts B., and Callari A. Marx's (not Ricardo's) "Transformation Problem": A Radical Reconceptualization. History of Political Economy, 1982, Vol. 14. Issue 4. P. 564–582.

- <sup>1</sup> См.: Бем-Баверк Е. Теория Карла Маркса и ее критика. СПб., 1897. С. 25, 29–30; Bortkiewicz, L. von. Value and Price in the Marxian System. International Economic Papers. No. 2. 1952. P. 5–60; Winternitz J. Values and Prices: A Solution of the So-called Transformation Problem. The Economic Journal. Vol. 58. No. 230. (Jun., 1948). P. 276–280; Seton, F. The «Transformation Problem». The Review of Economic Studies, Vol. 24, No. 3. (Jun., 1957), pp. 149–160;
- <sup>2</sup> См.: Steedman, Ian. Marx after Sraffa. Surrey: Unwin Brothers Ltd., The Gresham Press, 1977; Steedman, Ian. The Irrelevance of Marxian Values. In: Caravale G.A. (ed.) Marx and Modern Economic Analysis. Vol. I. Aldershot: Edward Elgar, 1991; Steedman, Ian. Positive Profits with Negative Surplus Value. The Economic Journal, Vol. 85, No. 337. (Mar., 1975), pp. 114–123.
- <sup>3</sup> Farjoun E., Machover M. Laws of Chaos. London: Verso, 1983.
- <sup>4</sup> Morishima M. Marx's Economics. A Dual Theory of Value and Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1973; Morishima M. Marx in the Light of Modern Economic Theory. Econometrica. 1974. Vol. 42. Issue 4. P. 611–632.
- <sup>5</sup> Dumenil, G. Beyond the Transformation Riddle: A Labour Theory of Value. Science and Society. Vol. 47. Issue 4. Winter. 1983–1984. P. 427–450; Foley, D.K. The Value of Money, the Value of Labour Power and the Marxian Transformation Problem. The Review of Radical Political Economics. Vol. 14. Issue 2. 1982. P. 37–47.
- <sup>6</sup> См.: Kliman A. J., and McGlone T. A Temporal Single-system Interpretation of Marx's Value Theory. Review of Political Economy. 1999. Vol. 11. Issue 1. P. 33–59;
- <sup>7</sup> Morishima M. Marx in the Light of Modern Economic Theory. Econometrica. 1974. Vol. 42. Issue 4. P. 611–632.
- <sup>8</sup> Ibid. P. 623.
- <sup>9</sup> Ibid. P. 624.
- <sup>10</sup> Ibid. P. 627–628.
- <sup>11</sup> Описание формальной модели А. Шейка дано в Математическом приложении к работе: A. Shaikh. Marx's Theory of Value and the Transformation Problem. In The Subtle Anatomy of Capitalism, Jesse Schwartz (ed.), Goodyear Publishing Co., 1977. См.: <http://homepage.newschool.edu/~AShaikh/shaikh-marx-theory.pdf>
- <sup>12</sup> Glick M., Ehrbar H. The Transformation Problem: An Obituary. Australian Economic Papers. December 1987. P. 306–307.
- <sup>13</sup> Wolff R. D., Roberts B., and Callari A. Marx's (not Ricardo's) "Transformation Problem": A Radical Reconceptualization. History of Political Economy, 1982, Vol. 14. Issue 4. P. 564–565.
- <sup>14</sup> Ibid. P. 566–567.
- <sup>15</sup> Ibid. P. 567–568.
- <sup>16</sup> Ibid. P. 568–573.
- <sup>17</sup> Ibid. P. 574.
- <sup>18</sup> Ibid. P. 577–579.

## ДИСКУССИИ О «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ» И «КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ» КООПЕРАЦИИ В ГОДЫ НЭПА

**И.А.Кудинов,**

соискатель кафедры истории экономики и экономической мысли  
экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета  
[ivan-blagikh@yandex.ru](mailto:ivan-blagikh@yandex.ru)

*В статье рассматриваются процессы трансформации теории и практики кооперации в России в годы НЭПа. Делается вывод о том, что в тех, конкретно-исторических условиях, «перерождение» кооперации происходило как на нездоровой, спекулятивной основе, так и по линии административного давления на кооперативные структуры, подчинения их деятельности задачам социалистического строительства.*

**Ключевые слова:** кооперация, социализм, НЭП, спекулятивный ажиотаж, перерождение кооперации, огосударствление кооперации.

**ББК У9(28) 08я43**

Окончание гражданской войны и возобновление связей почти со всей территорией бывшей России, переход от военной к мирной обстановке в условиях почти полного исчерпания запасов и надвигавшегося голода вскрыли всю сложность хозяйственного наследия, образовавшегося в результате приспособления кооперации к военно-хозяйственной обстановке гражданской войны. Изменение условий развития и социально-экономической природы кооперации при социализме, возникновение социалистических кооперативов и их высшей формы — производственных сельскохозяйственных кооперативов, ставших

составной частью социалистического народного хозяйства и социалистической демократии, вызвали к жизни многие новые принципы кооперативной деятельности, коренным образом отличающиеся от принципов деятельности кооперативов в условиях капитализма.

Превращенные в технический аппарат Наркомпрода, лишённые товаров, открывавшиеся лишь на день или пару часов в неделю для распределения ничтожного размер пайков соли, керосина, спичек и т.д., превратившиеся в «пустолавки» — многолавки сосредоточивали на себе все недовольство населения,

вызываемое и недостатком товаров, и невыгодными для него товарообменными нормами, и широко развернувшимися на почве голода злоупотреблениями правлений и служащих. С обесцененными капиталами эта кооперативная сеть оказалась бессильной принять достаточно широкое участие в начавшем стихийно развертываться мелком местном обороте, в котором гибкий частник сумел и доставить кое-какой товар, и платить за сельхозпродукты высокую рыночную цену.

Аппарат потребительской кооперации, как отмечал С.К. Фишгендлер, стал скелетом, телом без души, совокупностью лавок и учреждений (союзов), в которых за большими штатами и техническим аппаратом (склады и прочая инфраструктура) население не видело положительной кооперативной деятельности. Бедность самого населения и недовольство практикой военного коммунизма, охватившее население в конце 1920 и начале 1921 года и в значительной степени направленное на кооперацию (особенно в деревне), исключали возможность при первоначальном проведении новой экономической политики самостоятельного строительства кооперации самим населением и на его средства. [28]

К концу гражданской войны большевики были вынуждены искать новые пути в развитии экономической и политической системы «диктатуры пролетариата», которая, несмотря на победу над ее противниками, оказалась в глубоком кризисе.

Главными задачами советского государства в новой обстановке стали реформирование хозяйственного механизма управления, переход от системы административного давления к экономическому соревнованию, укрепление права и законности и преодоление бюрократизации партийного и административного аппарата. При этом, однако, не исчезла идея о том, что «диктатура пролетариата» должна оставаться решающим фактором в определении направления развития и содержания социально-экономической и общественно-политической жизни страны.

Тем не менее, представители Советской власти вновь подтвердили необходимость сотрудничества с «буржуазными специалистами в том числе, со «старыми кооператорами», хотя по-прежнему испытывали недоверие к ним. Поэтому неопределенность и противоречия в кооперативной политике Советской власти 1920-х были неслучайны. Судьба советской кооперации при НЭПе, вопреки утверждениям некоторых современных историков и экономистов, была predetermined не столько большевистской идеологией, сколько нехваткой сил и умения со стороны компартии и светского государства для выполнения задачи социально-экономического переустройства страны и особенно деревни.

НЭП сплотил кооперацию всех видов объединений в один центр (Центросоюз), работавший по заданиям государственных органов и за счет государства. Декрет о натуральном продналоге (21 марта 1921 г.), допускавший отныне самостоятельный сбыт населением излишков сельскохозяйственных продуктов, дальнейшее развитие товарооборота, поставил на очередь вопрос о новой реорганизации кооперации. Уже X съезд РКП(б) (8–16 марта 1921 г.) отменил резолюцию IX партийного съезда о кооперации, заключавшую одобрение декрета от 27 января 1920 г. [7, 469]. Декрет СНК «О потребительской кооперации» от 7 апреля 1921 г. предоставил потребительской кооперации широкие возможности в заготовках, обмене излишков сельскохозяйственной продукции и кустарно-ремесленных изделий. Однако при этом была сохранена обязательная приписка граждан к потребительской кооперации. Последняя по-прежнему должна была выполнять директивные задания государственных продовольственных органов. Согласно данному декрету, президиум ВЦИК мог вводить в состав правлений кооперативов своих представителей. Но вместе с тем, теперь власть допускала самостоятельность кооперации в ее сельскохозяйственных операциях, позволяла ей действовать на свой страх и риск, выполнять работы по обслуживанию организованных потребителей и по заданиям государства, но на началах хозяйственного расчета. Таким образом, декрет от 7 апреля 1921 г. стал первым шагом новой экономической политики навстречу кооперации, хотя этот документ вовсе не был свободен от идеологических и организационных постулатов периода «военного коммунизма». [1, 203]

Для кооперации как, прежде всего, хозяйственной организации, имело большое значение постановление ВЦИК от 10 июня

1921 г. «Об отмене предварительного контроля по отношению к кооперации». [24] Оно установило новое положение коопераций по отношению к государственному контролю в лице рабочей крестьянской инспекции, которая подолгу задерживала начало деятельности уже созданных кооперативов и препятствовала их организации, создавая тем самым почву для бюрократической волокиты и произвола. Декрет СНК от 9 августа 1921 г. «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» разрешил возобновление кредитной кооперации. [25] Наконец, декрет СНК от 26 октября 1921 г. денационализировал принадлежавшее потребкооперации имущество. Реального значения этот возврат не имел, так как по большей части предприятия были мелкими и не могли существенно устранить недостаток в производстве продукции для страны, а для самой кооперации эта акция не разрешала товарных и денежных затруднений. [4, 7]

Советские промышленные органы обязывались предлагать свои товары в первую очередь Центросоюзу или соответствующим кооперативам, и только в случае их отказа можно было направлять товары на свободный рынок. [26] Главное значение данного декрета заключалось в том, что потребительская кооперация могла и должна была заново широко развить заготовительную деятельность, перестав быть только техническим распределительным аппаратом. Ей возвращалась хозяйственная инициатива и финансовая самостоятельность после периода государственного финансирования.

Таким образом, начался обратный процесс раскрепощения советской кооперации от воли государственных продорганов и возвращения ее к самостоятельности. Затем, в конце 1923 г. произошла еще одна радикальная перемена, переход от принудительного членства в кооперации к полной добровольности. Основное значение для кооперации как хозяйственной организации имел тогда тот факт, что она отныне вынуждена была вступить на путь первоначального накопления собственных средств.

Дальнейшие шаги по перестройке работы кооперации первые годы НЭПа встречались с большими трудностями из-за тяжести наследия, оставленного периодом «военного коммунизма». Кооперация не могла сразу стать «мостом между городом и деревней», не могла полностью удовлетворить потребности населения. Причиной этому послужило, помимо объективных условий того времени (остатки натурального хозяйства, голод 1921 г. и т. д.), то обстоятельство, что в предыдущий период государственные органы почти целиком подчинили себе кооперативный аппарат. Из эпохи «военного коммунизма» потребкооперация вышла с громоздким аппаратом, разбухшим во время государственного финансирования, аппаратом, приспособленным для механического распределения, но мало пригодным для широкой самостоятельной работы в новой рыночной обстановке. [13] В связи с этим сам председатель Центросоюза Л. Хинчук позже отметил, что «Этот верхушечный аппарат при слабости живой первичной сети страдал многими недостатками бюрократизма и главизма». [21, 14]

Указанные недостатки кооперативных организаций, хотя и были менее заметны по сравнению с бюрократичностью и дороговизной услуг государственных хозяйственных органов, тем не менее значительно повлияли на развитие кооперативного движения 1920-х годов. Определенное «идеологическое пренебрежение» части инструкторов кооперации к торговым вопросам также оказывало отрицательное воздействие на обновление кооперативов. Среди инструкторов культивировалось мнение, что «торговля это только печальная необходимость, которой приходится заниматься кооперации; суть же ее, якобы, не в этом, а в ее культурных задачах, в ее объединяющем смысле и т.д.» [19, 32]

В результате, как это ни парадоксально, инструкторская работа в кооперативных организациях приобрела характер контрольно-инспекционной, а сами инструкторы-кооператоры легко превращались в «полуинспекторов».

Из вышесказанного ясно, что перед советской кооперацией встали две важные задачи. Одна — создать разветвленную могучую сеть кооперативных организаций, где население могло бы самостоятельно проявить свою хозяйственную инициативу и удовлетворять свои потребности. Вторая — подготовить квалифицированные кадры, которые воссоздадут неразрывную связь экономического и общественного значения кооперативного

движения. Но исполнение этих задач было ограничено рамками государственной политики в области кооперации.

Расширение «свободы кооперации» в первый год НЭПа, по замыслу руководителей Советской власти, должно было помочь найти выход из крайне тяжелого экономического кризиса, углубленного неурожаем и голодом на значительной части территории страны. Руководство Советской России, скорее всего, изучало кооперативную политику царского правительства начала 1890 годов и на этот раз последовало его примеру. Это косвенно подтверждала передовая статья газеты «Правда» от 1 июля 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации»: «Даже беглое ознакомление с состоянием крестьянского хозяйства заставляет во многом вспомнить девяностые годы, к которым нас вернули разрушения войны и последствия засухи. В это время одним из средств борьбы последствиями неурожая явилось, совершенно невольно для царского правительства с его обычными методами работы, кооперирование сельского населения. Только эта мера дала возможность рационально восполнить недостаток живого и мертвого инвентаря и поднять упавший творческий дух пострадавшего крестьянства».

Мобилизуя кооперативные организации для разрешения злободневной проблемы, коммунисты подчеркивали необходимость использования «разумных элементов» среди «старых кооператоров». Автор вышеуказанной статьи в газете «Правда» писал, что «Те элементы среди старой кооперации, которые обнаружили органическую способность понимать происходящее, должны быть всемерно поддержаны и использованы государством». [15] Спустя почти 5 месяцев в той же «Правде» была опубликована статья «Текущий момент и кооперация». В ней говорилось следующее: «Мы много заимствуем здесь из старой кооперативной теории и практики... Мы не прочь воспользоваться дельными советами опытных кооператоров, дать им работу в строящейся кооперации. Это мы делаем потому, что того требует данная житейская обстановка Советской Республики». [16] Именно исходя из таких мотивов XI Всероссийская конференция РКП(б) предложила оказывать широкую поддержку всем видам кооперации, предоставив ей благоприятные возможности в деле заготовок и развития местной промышленности, а также обеспечить кооперации свободное распоряжение ее продуктами. [7, 469]

Таким образом, коммунисты разрешили кооперации превратиться из распределительного аппарата Наркомпрода в самостоятельную хозяйственную организацию населения, действующую в условиях рынка и приспособленную к нему. Но предоставляя кооперации право на производство товарообмена, большевики утверждали необходимость всестороннего контроля ее деятельности со стороны государства. [3, 138] В решениях XI партконференции говорилось, что государство, опираясь на сосредоточенные в его руках «командные высоты», должно обеспечить себе в кооперативных организациях «влияние, соответствующее представляемым им интересам трудящихся масс». [7, 302]

Обеспечение «государственного влияния» на деятельность кооперативов являлось основным направлением кооперативной политики Советской власти 1920 годов. Это означало, что руководство последней подходило к вопросу об определении места и роли кооперации не только с экономической точки зрения, но и, прежде всего, с социально-политической. Поэтому оно с первого года НЭПа подчеркивало «политическую роль кооперации». В письме ЦК РКП(б) от 9 мая 1921 г. отмечалось, что эта роль заключалась в объединении и организации миллионных масс населения, в преодолении мелкобуржуазной стихии и в борьбе со спекуляцией «путем противопоставления им общественных форм учета, контроля и ответственности». [18, 226–229]

Государственная политика в области кооперации до середины 20-х годов характеризовалась в основном «кооперативным протекционизмом». Предпосылка последнего: кооперация в СССР не может быть ничем иным, как одним из органов советского хозяйства, с ним органически связанным и его общим целям служащим. Кооперативная политика должна была соответствовать главному направлению хозяйственного развития в целом, и кооперация, в свою очередь, была обязана отвечать экономическими результатами на требования со стороны госорганов. Проводя данную политику, представители Советской власти стремились к такому развитию хозяйства, при котором росли бы его «социалистические элементы». По этому поводу

в 1924 г. Ю. Ларин писал: «В наших условиях перед нами стоит задача так развернуть товарный оборот, чтобы он не просто разворачивался, но чтобы при этом крепла наша советская опора в организации рынка, в связывании и мелкого хозяйства с государственным». [23]

Кооперативный протекционизм как экономическая политика советского государства, опираясь, прежде всего, на «классовую систему обложения» торговли, мощным прессом давившую на частную торговлю, на кооперацию, представлявшую ряд серьезных налоговых преимуществ, значительно снижавших ее накладные расходы. Из-за этой политики напряжение кредитного аппарата в связи с поддержкой кооперации было достаточно велико, а госбюджет немало терял от налоговых льгот для кооперации и не менее от сокращения поступлений от обложения частной торговли.

Советские кооператоры, в свою очередь, отрицательно относились к утверждениям представителей власти, что кооперация в основном существовала «не за счет здорового хозяйственного развития, а за счет административного воздействия». Как видно из доклада В.В. Сахарова 27 ноября 1924 г. «О взаимоотношениях рабочей кооперации и госпромышленности», кооперативные работники придавали большее значение внутреннему органическому росту кооперативного движения, чем внешнему фактору в оживлении кооперации: «Административное воздействие не могло вызвать такого роста кооперативной сети. Это могло произойти исключительно на основе органического укрепления и хозяйственного развития». [22, 19]

Деятели советской кооперации, так же, как дореволюционные русские кооператоры, признавали, что кооперации нужно было предоставить некоторые льготы и преимущества перед частной торговлей. Среди кооператоров никто, казалось, не считал пока возможным поставить кооперацию в одинаковых условиях с частным капиталом. Кроме еще слабой конкурентоспособности кооперации, доводом для убежденности кооператоров служила и та мысль, что кооперация являлась не только сугубо экономической организацией для торговой деятельности, но и общественным институтом для подъема культурного уровня населения.

Враждебное отношение кооперации к частой торговле было традиционным, хотя после октябрьской революции оно получило и идеологическую окраску. Поэтому кооперативные работники не возражали против того, что большевистская партия и Советское правительство сделали ставку на постепенное вытеснение частного посредника и на постепенное замещение кооперации не только частной, но и, в некоторых сферах, государственной торговлей. Вообще, считалось естественным, что советская кооперация, как и дореволюционная, должна вступать в борьбу со стихией рынка в интересах и при непосредственном участии кооперированных трудовых масс. Следует отметить, что именно боязнь роста удельного веса частной торговли в народнохозяйственной жизни страны послужила толчком к политике кооперативного протекционизма. К середине 1923 г. мелкая торговля была сосредоточена в руках частного капитала почти полностью, средняя — почти наполовину и лишь крупная — немногим менее четверти. Участие государственно-общественного капитала в мелкой торговле составляло в среднем 1,4%, в средней — 56,2%, а крупной — 75,7%, а участие частного капитала соответственно: 98,6%, 43,8%, 24,3%; участие в торговом обороте в целом выражалось для частного капитала в 56,7%. [2]

В торговой сети, т.е. по количеству торговых предприятий, приоритет также принадлежал частному капиталу. В его руках находилось 99,4% всей сети мелкой торговли, 72,5% средней и 42,3% — крупной, тогда как в руках государственно-общественных организаций было соответственно: 0,6%, 27,5% и 57,7%. В таком положении дел представители госорганов и кооперации не могли видеть «реальной угрозы» развитию госторговли и торговли кооперативных организаций: «Прежде всего, неоспоримо ясно, что развитие государственно-общественного капитала отстает от развития частного капитала, что представляет вполне реальную угрозу, очевидно, на могущую быть устраненной путем фискально законодательных и административных мер, но лишь путем экономической борьбы, экономического сопротивления». [20, 51]

Кооперативный протекционизм в значительной степени был способен создать видимость бурного роста оборотов кооперации. Но тем самым он нес с собой и опасность, ибо был склонен

«затушевывать, закрывать от взора, и своими материальными средствами «приукрашивать» всякого рода органические дефекты, свойственные кооперации». С идейно-политической точки зрения немаловажный негативный аспект кооперативного протекционизма заключался в патернализме со стороны советского государства. Его защитники высоко оценивали регулируемую роль государства. Утверждали, что права последнего в отношении кооперации не могут быть ограничены лишь функцией «защиты интересов третьих лиц». «И само законодательство о кооперации, и государственная экономическая политика в отношении кооперации должны быть проникнуты определенной руководящей идеей не только содействия кооперации, но и воздействия на нее, охраны ее от ложных уклонов, от перерождения в уродливые формы». [20, 6] Такой угол зрения фактически был оправданием вмешательства Советской власти во внутренние кооперативные дела, которое не могло не ограничивать самостоятельность кооперативов, рамки экономического самоуправления активно кооперировавшегося населения. Именно в этом наблюдается сходство, если не преемственность кооперативной политики советского государства и царизма. Но первая отличалась четкой классовой линией по кадровым вопросам.

Итак, осуществляя переход к НЭПу, советское государство именно через кооперацию хотело оказывать преобразующее влияние на общественно-экономические отношения миллионов мелких, распыленных по всей стране крестьянских хозяйств, хотело подчинить стихию внутреннего рынка своему организующему и регулирующему влиянию. Кооперация мелких производителей, по мнению большевиков, «становится в условиях пролетарской диктатуры огромным передаточным механизмом, помогающим социалистической индустрии вести за собой деревню — простых товаропроизводителей». [8, 52]

Перестройка работы кооперации сопровождалась политической и идеологической борьбой как с «левацкими тенденциями», так и с попытками старых, кооператоров отстоять самостоятельность и аполитичность кооперации. Борьба эта завершилась очередным компромиссом, который должен был обеспечить плодотворное сотрудничество советского государства со всеми силами кооперативного движения независимо от их прежней политической ориентации. Компартия, отстаивая принцип государственного руководства кооперацией, вместе с тем сумела привлечь к практической работе основную массу специалистов-кооператоров. Видные деятели кооперативного движения С.Л. Маслов и А.В. Чаянов входили в состав высших органов кооперативного самоуправления, П.А. Садрын стал председателем правления Сельскохозяйственного союза. В то же время компартия направила в кооперацию ряд своих работников — Г.Н. Каминского, А.Я. Яковлева, С.С. Крутошинского и др. [10, 5]

Несмотря на большое желание коммунистов уже в первые годы НЭПа «завоевать кооперацию», это оказалось нелегким делом. Это подтверждают работы В.И. Ленина того периода, ряд партийных документов и данных, поступавших от местных органов Советской власти. Большевики утверждали, что «прежде всего коммунисты» могут быть радетьелями кооперации, «не за страх, а за совесть желающими работать в интересах крестьян и рабочих, желающими работать с Советской властью, а не мешать каждому шагу ее работе». Но на деле обнаружилось «ослабление внимания к вопросу кооперативной работы со стороны руководящих парторганов на местах и в особенности в широкой массе членов партии».

В 1922 г. В.И. Ленин несколько раз подчеркивал важное значение «делового анализа» и «изучения и оценки практического опыта» на местах, признавая, что «еще мы не изучили основательно действительных способностей нашего местного аппарата власти (способностей не причинять зла во имя благочестивого желания делать добро)». Ленин предложил бросить «глупую коммунистическую игру в кооперацию», являвшуюся «главным источником комбюрократизма». [11] На самом деле, коммунисты не имели больших шансов на успешный розыгрыш «коммунистической карты» в кооперативных организациях, так как, во-первых, в сельскохозяйственной и промысловой кооперации еще занимали крепкие позиции другие социалистические партии, во-вторых, компартия была чужда крестьянству, которое рассматривало ее обычно как представительницу городской власти.

Иллюстрацией может служить следующий факт: на состоявшемся в августе 1921 г. Учредительном съезде Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации (Сельскохозяйственного союза) среди 84 Делегатов с решающим голосом находилось 32 правых эсера, 25 кадетов и монархистов и лишь 2 коммуниста. Остальные делегаты были беспартийными. Съезд вновь собрал под знаменем кооперации ее старые кадры — А.В. Чаянова, С.Л. Маслова, В.В. Хижнякова, П.А. Садырина, А.И. Зимица, В.В. Шера, А.Н. Жекулина и др. На нем были рассмотрены задачи кооперации в новых условиях, вопросы разграничения сфер деятельности различных видов кооперации и самый важный, острый вопрос — о взаимоотношениях кооперации и государственной власти. В такой обстановке оказать сколько-нибудь значительное влияние на ход съезда, на выработку его решений и выборы руководящих органов большевики, естественно не могли. В результате были найдены компромиссные решения, т. е. в руководящие органы кооперации представителей Наркома вошли большевики А.М. Лежава и П.А. Месяцев, и было принято решение о необходимости вести работу Союза сельскохозяйственной кооперации в контакте с Наркомземом. [10, 270–316] Еще более ярко выраженной самостоятельной направленностью отличался учредительный съезд кустарно-промысловой кооперации, проходивший в ноябре 1921 г. Обвиняя участников съезда в нарушении советского законодательства, БЦИК не утвердил выработанный на съезде устав и избранные им руководящие органы.

Большевики растревожило то обстоятельство, что «буржуазия пыталась завоевать кооперативные организации, чтобы превратить их в аппарат для борьбы с Советской властью и диктатурой пролетариата». [3, 172] Представители старой кооперации и Советской власти, по сути дела, были вынуждены найти компромисс. Однако, естественно, он еще не устранял существовавших противоречий между двумя сторонами. Стоит отметить, что при таких условиях некоторые «буржуазные теоретики» и «старые кооператоры», включая А.В. Чаянова и Н.Д. Кондратьева, попытались предложить Советской власти свою альтернативу развития народного хозяйства вообще и восстановления сельского хозяйства в частности. Этому был посвящен, например, проект А.В. Чаянова «Генеральный план НКЗ на 1921/22г.» и перспективный план Н.Д. Кондратьева по развитию сельского и лесного хозяйства (1923/24–1928/29 гг.).

Для большинства кооператоров одной из главных задач являлось установление нормальной деловой связи с правительственными органами, поскольку в хозяйственной области не было еще полной ясности во взаимоотношениях кооперации и государственных органов. Но правление Центросоюза во главе с Л.М. Хинчуком проявляло инициативу в стремлении коммунистов к руководящим постам. По данным на осень 1921 г., коммунисты составляли 59% в губернских правлениях союзов кооперации РСФСР и Украины. [6, 134] Однако, это не гарантировало успеха в деле руководства кооперацией и новых условиях. Нуждаясь в опытных кадрах, правление Центросоюза в январе 1922 г. обратилось даже к старому правлению, находившемуся за рубежом, с предложением участвовать в работе Центросоюза. Но «буржуазные кооператоры» предложение не приняли.

Такая обстановка отразилась на резолюции XII конференции РКП(б), где обращалось особое внимание на явно недостаточное влияние партии в промысловую и сельскохозяйственную кооперацию, особенно в ее низовых организациях. В аппарате Сельскохозяйственного союза весной 1924 г. всего 6,2% сотрудников были членами РКП(б). Среди ответственных работников Центра сельскохозяйственной кооперации насчитывалось в 2 раза меньше коммунистов, чем в потребкооперации. Но в руководстве правлений, ревизионных комиссий, советов сельскохозяйственных кооперативных объединений на долю коммунистов приходилось 45,2%. По данным на 1 октября 1924 г., в правлениях 47 кредитных товариществ Московской губернии было 21,7% членов партии.

Число коммунистов в низовом деревенском кооперативном аппарате, по данным губкомов, укомов партии, губернских и районных советов за 1924 г., колебалось от 7 до 50%. Причем в большинстве районов этот процент не превышал 15–20. В Московской губернии их было 22%, в Смоленской — 12,3%, в Одесской (4 округа) 10,7%, в Черниговской — 17,6%, в Киевской — от 1,5% до 7%, в Алтайской 43%, в Северо-Западной области — 26,6%, в Белоруссии — 18,4%, в Херсонской губернии — 14%, в Семипалатинской губернии — 16,2%. В некоторых

губерниях многие кооперативы вообще не имели коммунистов в своих правлениях. [3, 175] К 1928 г. ситуация с кадрами работников низовой сети сельскохозяйственной и потребительской кооперации существенно не изменилась. Во второй половине 1925 г. в низовых выборных органах сельскохозяйственной кооперации из общего количества выборных членов большевики составляли 14%, среди наемных работников процент их был совсем незначителен, 3%. В союзах состав партийцев был значительно выше, чем в низовой кооперации; среди выборных членов правлений большевиков было на 8% больше, чем беспартийных. В отношении состава областных, губернских и районных союзов потребкооперации интересно отметить следующее: по сравнению с октябрем 1924 г. состав коммунистов в правлениях понизился и соответственно повысился процент беспартийных. Это в значительной мере объяснялось «подтягиванием» работников из низов и выдвиненцев.

В рабочей кооперации дела обстояли лучше, но в ее руководящем органе коммунисты оставались в меньшинстве. Итак, малочисленность деревенских парторганизаций, очень низкий процент членов РКП(б) в составе пайщиков, естественно, сдерживали процесс усиления партийного влияния в сельских кооперативных организациях.

В такой обстановке коммунистов не могла не беспокоить опасность воздействия со стороны буржуазных элементов НЭПа. [7] Однако, эти элементы, являясь специалистами именно в хозяйственной области, составляли наиболее грамотную часть состава пленумов парткомов, без которых нельзя было обойтись. Кроме того, реальное соотношение сил в деревне мешало коммунистам претворять в жизнь их классовую политику. Например, сельсовет как государственный орган не только не пользовался авторитетом, но и не имел механизма контроля над деятельностью общины. Последний сохранил автономию, тогда как сельсовет лишился даже права на собственный бюджет.

Сложившиеся в первые годы НЭПа три центральных союза — Центросоюз, Сельскохозяйственный и Всекопромсоюз — возглавляли основные кооперативные системы. Координацию их деятельности и взаимодействия осуществлял Центральный кооперативный совет (ЦКС). Названные организации фактически охватывали всю территорию страны, за исключением Украины, где с самого начала сложились свои особые республиканские союзы.

В процессе возобновления жизнедеятельности кооперации 1920-х годов первоначально наибольшее значение приобрела потребительская кооперация, которая охватила и городское, и сельское население. Специальная задача потребкооперации при НЭПе состояла в овладении торговлей предметами личного потребления, в вытеснении частника из товарооборота, в осуществлении смычки государственной промышленности с крестьянским рынком путем удовлетворения запросов крестьянского рынка. [9, 197–203] Реорганизация этой массовой кооперативной системы проходила постепенно, по мере восстановления экономики и улучшения продовольственного положения, и завершилась введением в начале 1924 г. системы добровольного членства граждан в потребительской кооперации. [17, 385] С этого времени образование и работа потребительских обществ регулировались правовыми нормами, общими для всех кооперативных систем.

Но явный порядок образования кооперативов вовсе не означал, что государство отказывалось от руководства или от контроля в кооперативном строительстве. Во-первых, оно утверждало примерные уставы кооперативов и их союзов, во-вторых, оно регистрировало принятые уставы, могло потребовать внесения тех и иных изменений в них или вовсе отказать в регистрации этих документов, если содержание их противоречило законам.

Развитие кооперации в годы НЭПа было подвержено влиянию противоборствующих идеологических течений, рассматривающих кооперацию либо как враждебный «буржуазный элемент», либо восхваляющих ее социальную сущность.

Во времена военного коммунизма кооперация воспринималась только как одно из средств борьбы за социализм, и предполагалось, что победивший пролетариат отвергнет ее как ненужную вещь, исполнившую свое назначение. Было мнение: в социалистическом государстве нет места для кооперативной деятельности. Потребительская кооперация не нужна, так как распределение организуется государством, а удешевление посреднических издержек невозможно. Кредитная кооперация

теряет всякий смысл при уничтожении частного хозяйства. Сбытовая и закупочная кооперация не нужна по той же причине и вследствие огосударствления обмена. Наконец, нет места для производительной кооперации там, где всё производство находится в руках государства. Гонения на кооперацию русским коммунизмом имели для его сторонников глубокий внутренний смысл. Социализм чувствовал в кооперации скрытого врага. Он был готов часто терпеть его, как терпит остатки частной торговли, с которыми не может справиться, и которые его спасают. Он был готов даже частично признать кооперацию, особенно если речь идет о выборе между кооперацией и частным капиталом. Капитал — это открытый враг, а кооперация исповедует социалистический идеал. Но за всем тем социализм не может забыть буржуазного происхождения кооперации и ее предпосылок, несовместимых с его собственными принципами. «Кооперация внутри социализма означала для него роковую язву. Яд индивидуализма всегда отравлял бы источники социалистического духа. Этим и объясняется враждебное отношение «старой экономической политики» к кооперации». [12, 136]

Социальным слоем, ведущим пропаганду кооперации европейского, якобы социалистического, типа первоначально являлись бывшие дворовые, освобожденные в ходе крестьянской реформы, как известно, без земли и составившие костяк разночинной интеллигенции. Первая кооперативная школа, организованная Вольным экономическим обществом в с. Единоново Тверской губернии подготовила с 1871 по 1874 год 215 специалистов молочного дела. Из них: дворянок — 7, духовного звания 51, мещанок — 12, из бывших дворовых — 82. Ни один из этих специалистов не стал кооператором в истинном значении этого слова. Как вспоминал другой деятель русской кооперации А.Н. Анцыферов, «сельские общества желали улучшить свое хозяйство и повысить свои доходы. Но в молодых, недавно основанных союзах слишком часто господствовали городские социалистические элементы, стремившиеся любой ценой и сразу совершить скачок в светлое царство социализма и ждавшие немедленной перестройки всех экономических отношений». [6, 78]

В дискуссиях, проходивших на страницах солидных академических изданий, социальные проблемы кооперации рассматривались с чисто экономической точки зрения, без политики. Профессура стремилась лишь обосновать тезис о некапиталистичности кооперации и о том, что кооперативная прибыль не является капитализированным доходом, а следовательно, не может быть присвоена частным лицом. [27]

Всякие «современные» взгляды на традиционные проблемы российской экономики являлись лишь незрелой реакцией искушенного интеллекта на запросы конъюнктуры. Они, как правило, не носили характера результатов самостоятельных исследований, были основаны на компилятивном использовании зарубежных источников, весьма поверхностны, часто односторонни и неисторичны. История отечества для таких авторов — всего лишь иллюстрация заимствованных идей, а не ключ к пониманию сложившейся действительности.

В годы новой политики они получили новый импульс, и кооперативная организация дела получила распространение в различных областях хозяйственной жизни: существовала промысловая кооперация, потребительская, сельскохозяйственная, кредитная, жилищно-арендная. Однако к концу 1920-х — началу 30-х годов большинство из тех видов кооперативов были поглощены системой государственного управления. И это несмотря на ленинский тезис о том, что «простой рост кооперации для нас тождественен ... с ростом социализма», провозглашенный им в одной из последних его работ. [11, 376]

Кооперация в обстановке капиталистического государства рассматривалась В.И. Лениным как коллективное капиталистическое учреждение. Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией объявлялся строем социализма. [14, 264]

Ленин предлагал поставить кооперацию политически так, «чтобы не только кооперация вообще и всегда имела известную льготу, но чтобы эта льгота была чисто имущественной льготой (высота банковского процента и т.п.). Было необходимо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые ссужались частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой про-

мысленности и т.д. Кооперативный строй должен был получить поддержку сверх обычного. Но поддерживать его В.И. Ленин предлагал не только как поддержку любого кооперативного оборота, — под поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения. [14, 262]

Многие большевистские деятели прямо провозглашали кооперацию методом, «который наиболее сливается с будущим коммунистическим строем». [5, 35]

Однако многие, как, например, Л.Н. Литовченко, видели существенные отличия кооперации и социализма. «Кооперация стремится к возможному увеличению доходов мелких хозяйств в рамках буржуазного общества. Социализм также хочет поднять мелкие доходы, но вместе с тем хочет уничтожить и капиталистический строй. Здесь принципиальная пропасть между социализмом и кооперацией. Разница не только в том, что обе системы стремятся к одной и той же цели разными путями, одна — мирным, другая — революционным. Расхождение гораздо глубже. Социализм объявляет войну капиталу, нетрудовым доходам и вытекающему отсюда экономическому неравенству. Во имя равенства он хочет уничтожить любыми средствами капитал, собственность и доходы от нее. Кооперация не ставит себе таких задач. Ее цель — поднять мелкие доходы буржуазного общества. Экономическое неравенство ощущается ею слабее. Для нее крупные доходы не одиозны сами по себе, они враждебны ей только потому, что являются спутником крупного капитала, этого естественного врага кооперации мелких хозяйств». [12, 143]

Б.Д. Бруцкус полагал, что социализм делает кооперацию ненужной, так как кооперация и социализм возникли из одних и тех же побуждений — ограничить власть капитала в хозяйственной жизни. Но пути, которыми оба движения стремятся достичь этой цели, глубоко различны. Социализм тяготеет к организации хозяйства на основе принудительной власти государства, между тем как кооперация строится на основе добровольных объединений. Таким образом, последовательное строительство социализма трудно совместимо с существованием кооперации, и именно поэтому в момент наибольшего развития в России коммунизма он частью прямо уничтожил кооперацию, частью превратил ее в служебный орган государственной власти.

Таки образом, возникшая еще в XIX веке дискуссия о сочетании в кооперации капиталистических и социалистических элементов продолжилась, в годы НЭПа имея еще более идеологический характер.

Кооперация выступала как форма, в которую может быть влито различное содержание, от тех господствующих хозяйственных отношений, господствующих производственных отношений, в условиях которых развивается кооперация. Советская кооперация наполнялась тем содержанием, которое идет от государства, от социалистической промышленности.

На основе тезиса Ленина о том, что кооперативные предприятия при существующем строе не отличаются от предприятий социалистических, при понимании социализма как единого, целостного, планомерно-организованного предприятия, Е.Я. Попов предполагал, что кооперация станет отдельной ячейкой, отдельным аппаратом этого громадного хозяйственного механизма.

Ленин, высказываясь о кооперации еще до революции, говорил о том, что для поднятия крестьянства нужна не артель в пределах одной деревни, а экспроприация имущества в пределах всей страны. Ту же самую идею проводил Ленин и в дальнейшем, ее проводила партия в целом ряде документов, постановлений, статей и др.

Будучи объединением потребителей, потребительская кооперация в то же время являлась распространителем продукции государственной промышленности: в лице кооперации социалистическая промышленность создала для себя аппараты, по которым может происходить распределение. То же можно сказать и о снабженческой сельскохозяйственной кооперации. Кредитная кооперация являлась определенным органом в руках государства для распределения кредитов среди тех слоев населения, среди тех его элементов, среди тех организаций, которые государство считает необходимым поддерживать и которые оно поддерживает в интересах социалистического переустройства деревни, в интересах усиления тех элементов деревни, которые

в классовой борьбе с кулаком должны строить свое хозяйство, поднимать его, коллективизировать и т.д.

В условиях поднимающейся, развивающейся государственной промышленности, в условиях, когда предприятия последовательно-социалистического типа приобретают все больший вес в народном хозяйстве страны, когда работа государственной промышленности все в большей и большей мере определяет собой и работу кооперативных организаций, по мере того, как последние все в большей и большей мере становятся передаточным механизмом между социалистической промышленностью и мелким крестьянским товарным хозяйством, кооперативная система все больше превращалась в часть этого механизма.

В то же время тревожным считалось то обстоятельство, что кооперативные работники в силу того, что они соприкасаются непосредственно с толщей мелкотоварных хозяйств, в силу того, что они представляют собой как бы периферию государственно-социалистического сектора, находятся на капитализируемом участке.

Предполагалось укрепить ряды кооператоров в том, чтобы дать такое совершенно четкое, ясное определение ленинского понимания кооперации, ее оценки и политики кооперативного строительства, которое предохраняло бы от каких бы то ни было капиталистических уклонов. К типу социалистических относили лишь кооперативы, проводящие политику пролетариата.

Для ограждения нашей кооперации от кулацкого влияния предполагалось проведение систематических мероприятий по повышению удельного веса бедняцких и батрацких элементов.

М. Кантор, напротив, полагал, что кооперативное предприятие, ни торгового характера, ни характера производственного не может быть названо социалистическим. Для того, чтобы кооперативное предприятие было социалистическим, необходимо чтобы «средства производства принадлежали государству, т. е. рабочему классу». Но если принять это толкование, то ни одна, даже самая лучшая коммуна не может быть названа социалистической организацией, ибо нигде «целиком» средства производства колхоза или коммуны не принадлежат государству.

Но М. Власов считал, что не принадлежность рабочему классу средств производства кооперативов делает их социалистическими, а принадлежность рабочему классу основных, главных, «крупных» средств производства, вообще в стране, т. е. принадлежность ему так называемых «командных высот». Он утверждал, что понимать социалистический характер колхозов, коллективной кооперации, производственной кооперации, с одной стороны, и кооперации в области оборота, в области обращения, «торговой» кооперации, с другой стороны, нужно различно. Производственный кооператив, если он поставлен надлежащим образом, то он представляет собой социалистические производственные отношения. Торговый кооператив производство не обобществляет, и члены этого кооператива ведут мелкотоварное хозяйство. Следовательно, каким образом можно понимать социалистический характер торговой кооперации? Только так, что торговая кооперация в социалистических условиях перерастает в производственную кооперацию, и только по диалектической связи торговой кооперации с производственной мы можем торговую кооперацию называть социалистической.

Г. Барышник считал, что кооперацию пока нельзя считать социалистической, что в процессе роста кооперация будет накапливать все больше и больше социалистических элементов и что на каком-то этапе своего развития кооперация будет тождественна с социализмом, т. е. тот момент, который ее сейчас отличает от социалистической организации, момент владения средствами производства — группового, а не общественного — этот момент потеряет свое значение, потому что все процессы производства будут кооперированы, обобществлены. Следовательно, тот факт, что кооператив сохраняет еще групповую форму владения средствами производства, не будет иметь значения. Советская кооперация представляет собой переходный тип, объединяя мелкотоварных производителей. Она ведет к социализму, минуя некоторые фазы капитализма. По мере накопления в кооперации социалистических элементов, она все больше и больше будет «уподобляться» социализму.

Кооперация, по мнению А. Лозового, содержит борьбу двух тенденций — капиталистической и социалистической, так как включает в себя и кулацкие хозяйства, но правильной политикой

капиталистические тенденции, преобладающие в кооперации, можно победить.

Изучив представленные подходы, мы полагаем, что деление кооперации на капиталистическую или социалистическую, конструирование ее диаметрально противоположных целей и задач, является достаточно спорным и дискуссионным, что нашло отражение в том числе и в ленинской работе «О кооперации». Цели и задачи кооперации представляются едиными как в условиях капиталистического, так и социалистического «окружения»: обслуживание и защита прав своих членов, реализация их интересов, функционирование в соответствии с общими экономическими законами и движущими силами общественного развития на основе кооперативных принципов. Ленинское требование, чтобы кооперация перестала быть

«буржуазной», фактически означало, что она должна была стать другой кооперацией, совсем не той, которая сформировалась и теоретически оформилась в условиях капитализма, и как альтернатива капитализму.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что пытаясь любыми способами выправить кризисную экономическую ситуацию в годы НЭПа, советская власть обратилась к кооперации — единственной сохранившейся и исправно функционирующей в те годы товаропроводящей и заготовительной сети. Однако союз государства и кооперации неизбежно привел к подчинению кооперации государству. Кооперативная теория и практика претерпела определенные трансформации и была подчинена идеологии и задачам строительства социализма.

### Литература

1. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. — М.: Наука, 1995. — 229 с.
2. Государственная, кооперативная и частная торговля // «Союз потребителей». — 1923. — №13–14. — С.41–50.
3. Дмитренко В.П. Партия и кооперация: Сб.ст. / Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Развитие кооперации в СССР. — М.: Политиздат, 1978. — 296 с.
4. Илимский-Кутузов Д.И. Кризис кооперации. — М.: Всерос. центр. союз потреб. о-в, 1922. — 44 с.
5. Калинин М.И. Неотложные задачи // Вестник кустарной промышленности. — 1922. — №5–7. — С. 35–36.
6. Ким Чан Чжин Государственная власть и кооперативное движение в России — СССР (1905–1930). — М., 1996. — 250 с.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1953). Часть 2 (1925–1953). Изд. 7-е. — М., 1953. — 1201с.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Ин-т марксизма ленинизма при ЦК КПСС. — 9-е изд., испр. и доп. Т. 4: 1926–1929. — М., 1984. — 575 с.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Ин-т марксизма ленинизма при ЦК КПСС. — 9-е изд., испр. и доп. Т. 3: 1922–1925. — М., 1984. — 494 с.
10. Кооперативно-колхозное строительство в СССР, 1923–1927: Документы и материалы / Ин-т истории АН СССР; Сост.: Е.А. Тюрина и др.; Отв. ред.: В.П. Данилов. — М.: Наука, 1991. — 426 с.
11. Ленин В.И. Письмо в политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е.А. Преображенского «Основные принципы политики РКП в современной деревне». ПСС, т. 45. — М., 1967 — 729 с.
12. Литошенко Л.Н. Кооперация, социализм и капитализм // Вопросы экономики. — 1995 — № 10 — С. 136–137.
13. Макерова Н.Я. Исторический очерк потребительской кооперации в СССР: Пособие для губ. кооп. курсов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Центросоюз, 1925. — 71 с.
14. Маркс К. О кооперации: Сб. трудов. / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин. — М.: Политиздат, 1988. — 318 с.
15. Правда. — 1921. — 1 июля.
16. Правда. — 1921. — 20 ноября.
17. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.1. — М.: Политиздат, 1970. — 620 с.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет (1917–1967 гг.) Т.2: 1917–1928 гг. — М.: Политиздат, 1967. — 783с.
19. Союз потребителей: Кооперативный и общественно-экономический журнал — М. 1923. — № 1
20. Союз потребителей: Кооперативный и общественно-экономический журнал — М. 1923. — № 8
21. Союз потребителей: Кооперативный и общественно-экономический журнал — М. — 1925. — №2.
22. Союз потребителей: Кооперативный и общественно-экономический журнал — М. 1924. — № 11.
23. Союз потребителей: Кооперативный и общественно-экономический журнал — М. 1924. — № 12.
24. СУ. 1921 г. № 50, ст. 274
25. СУ. 1921 г. № 59, ст. 403
26. СУ. 1921 г. №72; ст. 570.
27. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. — М., 1989. — 496 с.
28. Фишгендлер А. Кооперация СССР // Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. Т. 41. Ч. 3. — М., 1927. — С. 355–356.